

ОТНОШЕНИЕ К ПРАВОСЛАВНОМУ ВОЕННОМУ ДУХОВЕНСТВУ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЗАПАДНОГО ФРОНТА ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Старостенко Э. В. (Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова», кафедра археологии и специальных исторических дисциплин)

Аннотация. Рассматриваются изменения в отношениях между армейскими чинами и военным духовенством в российской армии после Февральской революции 1917 года.

К началу Первой мировой войны институт военного духовенства представлял собой строгую иерархическую систему. Руководство им осуществлял протопресвитер, который во время войны находился при Ставке Верховного Главнокомандующего. Для управления духовенством фронтов на время войны учреждались должности главных священников армий фронта, а помогать им были призваны штабные священники [1, с. 50]. Для координации работы на местах из духовенства выбирались гарнизонные и дивизионные благочинные. Всего в российской армии за годы Первой мировой войны перебивало не менее пяти тысяч православных священников.

С первых дней войны между священниками и офицерским составом стали складываться неоднозначные отношения. Культовая и внекультовая деятельность напрямую зависела от решений начальников воинских формирований: они давали согласие на проведение служб, устанавливали время для бесед с чинами части, назначали в помощь военному духовенству солдат для совершения похорон, организации хоров и прочее. И если у священнослужителя не складывались хорошие отношения с военным руководством, то это негативно сказывалось на его деятельности. Несмотря на это, основная масса солдат воспринимала священников как единое целое с командованием воинских частей и учреждений.

В своей работе духовенство призывало нижние чины к неукоснительному выполнению приказов, уважению и подчинению офицерскому составу. Кроме того военные священники, как и православная церковь в целом, оказывали широкую поддержку действующей власти: за императорскую семью произносились молитвы во время богослужений, во всех листовках и брошюрах солдат призывали воевать за «Царя и Отечество». Все это воспринималось как должное в первые годы войны, однако последующие неудачи и приобретение войной затяжного, позиционного характера не могли не повлиять на настроения армии. Для нижних чинов найти виноватого во всех бедах было несложно: ими стали командиры, которые отдавали приказы, отправляя солдат на смерть, а следом и военные священники, которые благословляли такие приказы. После Февральской революции же все силы, с которыми ассоциировалась старая власть, оказались в сложной ситуации.

Революция и новое Временное правительство внесли серьезные изменения в религиозную жизнь российского общества. 20 марта было провозглашено «социальное, экономическое и политическое равенство граждан независимо от вероисповедания», а постановлением от 14 июля «О свободе совести» граждане получили право религиозного самоопределения по достижению 14-летнего возраста [2, с. 159]. Это давало право менять вероисповедание или объявить себя атеистом. Также были расширены права инославного и иноверного исповеданий, в частности, священнослужители этих религий стали допускаться в армию. Новое законодательство и новые общественно-политические условия серьезно повлияли на деятельность военного священника и его положение.

Так, в дореволюционной армии богослужения носили обязательный характер, а порядок их проведения регламентировался «Уставом внутренней службы». После революции участие в культовой деятельности стало добровольным, в результате чего походные и местные военные церкви опустели. Этот факт отмечал как протопресвитер Г. Шавельский, так и священники в своих отчетах о богослужебной деятельности. По мере снижения религиозной активности воинских чинов, военные церкви приходили в упадок, а строительство новых было признано ненужным. Походные церкви разбирались, госпитальные церкви переводились в статус хозяйственных комнат и палат. Порой помещения бывших походных церквей занимали под гарнизонные, полковые, госпитальные комитеты.

Сами священнослужители столкнулись с открытым неприятием их военнослужащими. Если до революции они выступали в качестве «духовных отцов», «батюшек» для нижних чинов и офицеров, то после – привычным в армейской среде стало употребление в отношении священника слова «поп», а также оскорбительных прозвищ (в отчете проповедника 3-й армии приводятся такие слова как «провокатор», «буржуй», «поп-кровопийца», «паук») [3, л. 173 об.].

Нередко вопросы, связанные с деятельностью священника, рассматривались полковыми и госпитальными комитетами. В таких случаях духовенство было вынуждено оправдываться за реальные и вымышленные проступки, что неизбежно подрывало его и без того пошатнувшийся авторитет среди чинов армии. Чаще всего на собраниях комитетов священников обвиняли в монархической пропаганде, поддержке старой власти, в невыполнении должностных обязанностей. Иногда поводом становились ошибки, допущенные по невнимательности: раздача старых листов и брошюр, в которых идет речь о самодержавии, произнесение по привычке благословений членам императорской семьи и прочее. Но нередко обвинения носили обоснованный характер. Они были связаны с невыполнением должностных обязанностей (пренебрежением проведением богослужений и бесед с солдатами), злоупотреблением положением, и реальной контрреволюционной пропагандой и агитацией. В таких ситуациях священники обычно покидали должность и направлялись в другие части или свою епархию. Известны случаи арестов, и даже угроз физической расправой.

Поэтому неудивительно стремление ряда священников покинуть армию и вернуться в епархии, пока там еще были свободные приходы. Однако следует заметить, что это касается духовенства, оказавшегося во враждебной к нему среде. Вопреки сложившейся ситуации, многие всеми способами старались закрепиться в регулярных частях и учреждениях армии, чтобы по окончании войны остаться в штате ведомства военного духовенства.

После Февральской революции в российской армии наблюдается поворот в отношениях между армейскими чинами и военным духовенством. Это можно связать с тем, что революция привнесла в армию новые порядки и свободы, которые позволили солдатам (преимущественно нижним чинам) открыто выразить свое отношение к священнослужителям. Так как священники были в глазах военнослужащих сторонниками и поддержкой старого правительства, то теперь их работа, как одна из составляющих старых порядков, перестала восприниматься как данность и необходимость. Культовая деятельность, имеющая обязательный характер в дореволюционной армии, в условиях провозглашенной свободы совести стала носить добровольный характер. Это привело к ее игнорированию со стороны значительной части военнослужащих, тем самым отразив реальное отношение к религии в военной среде к концу Первой мировой войны.

Литература

1. Старостенко, Э. В. Православные военные священники в Российской армии в годы Первой мировой войны: категории и обязанности / Э. В. Старостенко // Идеологические аспекты военной безопасности. – 2016. – № 2. – С. 50–54.
2. Старостенко, В. В. Свободомыслие и свобода совести в Беларуси: очерки истории : монография / В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2004. – 266 с.
3. Российский государственный исторический архив. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10312.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова